

Вы слишком долго жили в этом городе, вас утомила гра-
нитная плесень и вечная простуда в говоре горожан. И прежде,
чем уйти навсегда в край золотого света и неземного тепла,
которое вы заслужили, вы прилегли отдохнуть в этих глинах,
этих песках, этих топях. Знаю, что сон ваш тяжел, как сама
земля. От ее сырости ломит и мертвые кости.

И поэтому жалко вас. Здесь в городе мало горячих сер-
дец, и земля холодна. И в моем сердце нет тепла — оно пол-
но петербургских туманов. Я ничем не помогу вам.

Простите, прадеды, что не поправлю под вашими головами
подушек из синей глины.

Могу только ненадолго развлечь вас. Я расскажу, что
делается наверху.

На могильщиках Смоленского пляжные кепки с пластмассо-
выми козырьками. За оградой гудят трамваи. Спелый папорот-
ник — нездешняя зелень — хрустит под ногами. Могильщики иг-
рают в домино. Его стук всегда один и тот же.

Сверху грустно смотрят березы — на домино, на кепки,
на бурелом и плиты. Смотрят, как мать на больного ребенка.
Смотрит ангел, покрытый серебряной краской. Зимой здесь
бывают миражи.

Страшно. Красная кофта мелькает среди берез. Зеленая
юбка и обрывки полковничьего мундира. Это Ксения. Не давай-
те ей ничего. Дайте ей медную копейку.

... Нет больше копеек с Георгием на коне...

И в этот июльский день твои ноги распухли от мороза.
Спасибо тебе от матерей, чьих детей ты качала в люльках.
Твои молитвы ночью в пустом поле пугали людей и озадачивали
полицию. По ночам ты носила кирпичи на стены новой церкви.
Когда ты спала, Ксения?

Теперь ты спишь здесь, а просыпаешься, чтоб являться
во сне другим спящим. Могильные плиты вокруг исписаны молит-
вами и просьбами, обращенными к тебе — тебя помнят, Ксения
и твоей помощи по-прежнему ждут.

Булки, пряники и яблоки к образам. Блеск окладов пьянит
глаз. Сумрак в церкви черен и прохладен, как вода в запруде.

Погружаешься в него — трамваи и автобусы уходят в небытие, из небытия же встают другие имена и лица. Вспоминаешь, что где-то здесь затерялись могилы Арины Родионовны и упоминательного нечестивца Сологуба....

... А поблизости зарывали самоубийц.

Было в Петербурге славное место — Волково поле: кочки и кустарник, болотца и залитые водой ямы. Жители брали здесь глину — оттого и ямы. А волки — волки бродили здесь стаями, по тридцать и более, резали запряженных лошадей и ямщиков. И называли финны здешнюю деревню — "Сюттила" — "В о л к о в о". А когда русские устроили здесь кладбище, имя стало ласковым — "В о л к у ш и". Волки, волкуши...

Здесь всегда сыро, и дорожки называются не "дорожки", а "мостики". Запах тления висит в воздухе круглый год, не стихая даже в самые лютые морозы. Посмотришь вниз с обрыва, а там внизу речка — В о л к о в к а, клубится внизу сладковатым туманом, никогда не замерзает, теплая почему-то вода в этой речке... И целый год напролет поднимаются с ее дна смрадные пузыри — в о т п о ч е м у никогда не замерзает речка.

... Неужели эта жизнь — последняя?...

"Проходи! Ты идешь, но ляжешь так, как я,
Присядь и отдохни на камне у меня;
Сорви былиночку и вспомни о судьбе;
Я — дома, ты — в гостях, подумай о себе."

Здесь Апухтин и Надсон, Тургенев и Кузрин. Гранитный крест — Гаршин. Черный обелиск — Блок. Простой чугунный крест — Лесков. А на могиле Плеханова строка из Шелли:

"Он слился с природой".

Черный полированный камень лютеранских надгробий. Немцы и французы. Настоящие городки из склепов и обелисков — целые кланы колонистов-иноверцев лежат здесь. Женщина сметает снег с бронзового Христа. "Вы русская?" — "Да". "Православная?" — "Да". "Но здесь лежат иноверцы". Женщина тихо улыбается: "Ухаживаю за ними ради Господа".

Краснеют жестяные звезды. Рядом лежат придворный лейб-медик и офицер реактивной авиации. Пронизано кладбище-свистом поездов, совсем по-волчьи, только еще громче и настойчивей. Но еще громче звенит тишина.

Последние пристанища жителей Петербурга, вы притаились в тихих закоулках на карте города, вы вдали от проспектов и метро, и только редкие автобусы с малознакомыми номерами находят вас. Проходишь ворота и город остается позади, за занавесом, а здесь тень, и деревянные ступеньки, и над входом в склеп заманчивая надпись по-латински — "Пакс". Дорожки — как улицы сказочного города: Яблоневая, Вишневая, Ореховая, Сиреневая, Ипп Хвойная... Крест на могиле ответственного работника. Еще один. И еще. Часто только после смерти человека узнаешь, как он относился к вере при жизни.

... Кто-то мостит дорожки старыми надгробными плитами. В почетном карауле выстроились баки с мусором. Большой плакат: "Здесь кормить кошек строго воспрещается". На памятниках и крестах намалевано масляной краской: "Охраняется", "ОХР", "Регистр.Р...", "Посещается"...

"Для чего они?" — "Чтобы не разорвали могилы".

Бежит седой джоггер, с брешком, в спортивном костюме и шапочке. От его дыхания валит пар. Рядом стадион — на кладбищенской стене разноцветные кольца и прожектора. На высоком постаменте — бюст Некрасова и надпись:

"Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте! Спасибо Вам скажет сердечное
Русский народ..."

Разоренные склепы, зашитые досками и пустые овальные щербинки от медальонов. И не знаешь, о ком, например, вот на этом камне: "Блаженны алчущие и жаждущие правды..." Где-то здесь — Врубель, Тютчев и Майков. Это — Новодевичье.

Кладбище Петербурга.

Карканье ворон и множество детских могил — это тоже Новодевичье.

Дорожки, круто взбегающие на холмы к белой церкви с голубым куполом — это Шуваловское.

Рыжая стена, похожая на крепостную — это Красненькое.

Камыши вдоль залива и чахлый заболоченный лес вдоль бесконечного шоссе — это Кронштадское.

Гроздь рябины, смыкающиеся над головой — это Еврейское.

И были еще Римско-католическое, Старообрядческое, Финское, Латышское, Армянское, Персидское, Татарское... Сколько вер — столько было и церквей, и кладбищ. Первое же было у храма святого Самсона-странноприимца. На петербургской земле поселились странники, люди пришлые — так и решил Петр: пусть они покоятся под сенью Странноприимца.

Лавра. Здесь, среди мертвых, почему-то не страшно. Здесь царят поэзия и нежность. Сколько памятников, формы, образов и имен! Немецкие вперемешку со старославянскими. Коллежский советник. Генерал-майор. Заплаканные ангелы и гении. "Е к и п а ж м е й с т е р" — читаешь на плите и вспоминаешь век, в котором все мы жили двести лет назад. Часовни и обелиски тесно сгрудились в квадрате — как детские игрушки. Из-за стены высовывается огромное — "Гостиница "МОСКВА", но от этой "Москвы" здесь кажется еще уютнее и тише.

Говорят, что на двухметровой глубине — самые древние могилы, что земля здесь — как слоеный пирог. Все равно, не страшно здесь, среди мертвых. Мы любим вас, прадеды — нельзя ведь одновременно любить и бояться. Простите, что наши шаги отдаются в ваших жилищах — плиты лежат слишком тесно.

Пусть дымовые трубы, туристы и машины — Лавра, тебя невозможно испортить. Слишком сильны флюиды лежащих здесь. И бродят среди надгробий отзвуки чьих-то менуэтов.

Художники и архитекторы, поэты и ученые. За ними — самолетные пропеллеры, зубчатые колеса и цепные передачи, бронзовые винтовки и погоны — так начался век XX-й. И снова — крест. Крест в терновом венце: "...глаголю вам, аще верно пшенично пад на земли не умрет, то едино пребывает: аще же умрет мног плод сотворит". Здесь Достоевский.

Сердце города — бой курантов на колокольне, и золотое крыло ангела все так же развевается в сером небе.

Мраморные саркофаги — ровными рядами. Кресты на их крышках напоминают мечи. Один из гробов долго стоял посреди еще недостроенного собора, и только через шесть лет был предан земле. Пустой гроб был предан земле, а он — ушел — может, правду говорят, а может, просто почудилось кому-то в тумане, или бой курантов над головой затуманил ум — не нам то ведать. На саркофаге бронзовая доска: ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ...

Простите нас, прадеды.

.....
.....